

БОРИС РЫЖИЙ

...и всё такое...

ПУШКИНСКИЙ ФОНД • ММХІІІ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

x x x

Над санбасжем в тёрной зрне
всю ночь игра саксофонист,
хроника на сцене не в парне
снел, побегив разветный лес.

Я тоже стану музыкантом
и буду, если не уфу,
в руках белой с черным бантом
играю погам на ветру.

Заб, ушибаеи, снел хроника
под небом, вышитым до дна, -
сти, ни о зем не беспокоится,
есть только музыка одна.

В. Вихит

БОРИС РЫЖИЙ

...и всё такое...

с т и х о т в о р е н и я

ПУШКИНСКИЙ ФОНД • ММХІІІ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ББК 84.Р7
Р 93

2-е издание

Марка издательства работы
С. Семёнова

ISBN 978-5-89803-234-0

© Б. Рыжий, наследники, 2000, 2013

I

Над саквояжем в чёрной арке
всю ночь играл саксофонист,
пропойца на скамейке в парке
спал, постелив газетный лист.

Я тоже стану музыкантом
и буду, если не умру,
в рубахе белой с чёрным бантом
играть ночами на ветру.

Чтоб, улыбаясь, спал пропойца
под небом, выпитым до дна, —
спи, ни о чём не беспокойся,
есть только музыка одна.

1997

ИЗ ФОТОАЛЬБОМА

Тайга — по центру, Кама — с краю,
с другого края, пьяный в дым,
с разбитой харей, у сарая
стою с Григорием Данским.

Под цифрой 98
слова: деревня Сартасы.
Мы много пили в эту осень
«Агдама», света и росы.

Убита пятая бутылка.
Роится над башками гнус.
Заброшенная лесопилка.
Почти что новый «Беларусь».

А ну, давай-ка, ай-люли,
в кабину лезь и не юли,
рули вдоль склона неуклонно,
до неба синего рули.

Затарахтел. Зафыркал смрадно.
Фонтаном грязь из-под колёс.
И так вольготно и отрадно,
что деться некуда от слёз.

Как будто кончено сраженье,
и мы, прожжённые, летим,
прорвавшись через окруженье,
к своим.

Авария. Башка разбита.
Но фотографию найду
и повторяю, как молитву,
такую вот белиберду:

Душа моя, огнём и дымом,
путём небесно-голубым,
любимая, лети к любимым
своим.

1998

Ещё не погаснет жемчужин
соцветие в городе том,
а я просыпаюсь, разбужен
протяжным фабричным гудком.

Идёт на работу кондуктор,
шофёр на работу идёт.
Фабричный плохой репродуктор
огромную песню поёт.

Плохой репродуктор фабричный,
висящий на красной трубе,
играет мотив неприличный,
как будто бы сам по себе.

Но знает вся улица наша,
а может, весь микрорайон:
включает его дядя Паша,
контужен фугаскою он.

А я, собирая свой ранец,
жуя на ходу бутерброд,
пускаюсь в немислимый танец
известную музыку под.

Как карлик, как тролль на базаре,
живу и пляшу просто так.
Шумите, подземные твари,
покуда я полный мудак.

Мутите озёрные воды,
пускайте по лицам мазут.
Наступят надёжные годы,
хорошие годы придут.

Крути свою дрянь, дядя Паша,
но лопни моя голова,
на страшную музыку вашу
прекрасные лягут слова.

1997

Что махновцы, вошли красиво
в незатейливый город N.
По трактирам хлебали пиво
да актёрок несли со сцен.

Чем оправдывалось всё это?
Тем оправдывалось, что есть
за душой полтора сонета,
сумасшедшинка, искра, спесь.

Обыватели, эпигоны,
марш в унылые конуры!
Пластилиновые погоны,
револьверы из фанерЫ.

Вы, любители истуканов,
прячьтесь дома по вечерам.
Мы гуляем, палим с наганов
да по газовым фонарям.

Чем оправдывается это?
Тем, что завтра на смертный бой
выйдем трезвые до рассвета,
не вернётся никто домой.

Други-недруги. Шило-мыло.
Расплескался по ветру флаг.
А всегда только так и было.
И вовеки пребудет так:

Вы — стоящие на балконе
жизни — умники, дураки.
Мы — восхода на алом фоне
исчезающие полки.

1995

В безответственные семнадцать,
только приняли в батальон,
громко рявкаешь: рад стараться!
Смотрит пристально Аполлон:

ну-ка, ты, забобень хореем.
Парни, где тут у вас нужник?
Всё умеем да разумеем,
слышим музыку каждый миг.

Музыкальной неразберихой
било фраера по ушам.
Эта музыка стала тихой,
тихой-тихой та-ра-ра-рам.

Спотыкаюсь на ровном месте,
беспокоен и тороплив:
мы с тобою погибнем вместе,
я держусь за простой мотив.

Это скрипочка злая-злая
на плече нарыдалась всласть.
Это частная жизнь простая
с вечной музыкой обнялась.

Это в частности, ну а в целом
оказалось, всерьёз игра.
Было синим, а стало белым,
белым-белым та-ра-ра-ра.

Две сотни счётчик намотает, —
очнёшься, выпятив губу.
Сын Человеческий не знает,
где приклонить ему главу.

Те съехали, тех дома нету,
та вышла замуж навсегда.
Хоть целый век летай по свету,
тебя не встретят никогда.

Не поцелуют, не обнимут,
не пригласят тебя к столу,
вторую стопку не придвинут,
спать не положат на полу.

Как жаль, что поздно понимаешь
ты про такие пустяки,
но наконец ты понимаешь,
что все на свете мудаки.

И остаётся расплатиться
и выйти заживо во тьму.
Поёт магнитофон таксиста
плохую песню про тюрьму.

Отполированный тюрьмою,
ментами, заводским двором,
лет десять сряду шёл за мною
дешёвый урка с топором.

А я от встречи уклонялся,
как мог от боя уходил:
он у парадного слонялся —
я через чёрный выходил.

Лет десять я боялся драки,
как всякий мыслящий поэт.
...Сам выточил себе нунчаки
и сам отлил себе кастет.

Чуть сгорбившись, расслабив плечи,
как гусеничный вездеход
теперь иду ему навстречу —
и расступается народ.

Окурок выплюнув, до боли
табачный выдыхаю дым,
на кулаке портачку «Оля»
читаю зреньем боковым.

И что ни миг, чем расстоянье
короче между ним и мной,
тем над моею головой
очаровательней сиянье.

1997

Приобретут всеевропейский лоск
слова трансасиатского поэта,
я позабуду сказочный Свердловск
и школьный двор в районе Вторчермета.

Но где бы мне ни выпало остыть,
в Париже знойном, Лондоне промозглом,
мой жалкий прах советую зарыть
на безымянном кладбище свердловском.

Не в плане не лишённой красоты,
но вычурной и артистичной позы,
а потому что там мои кенты,
их профили на мраморе и розы.

На купоросных голубых снегах,
закончившие ШРМ на тройки,
они запнулись с медью в черепах
как первые солдаты перестройки.

Пусть Вторчермет гудит своей трубой,
Пластполимер пускай свистит протяжно.
А женщина, что не была со мной,
альбом откроет и закурит важно.

Она откроет голубой альбом,
где лица наши будущим согреты,
где живы мы, в альбоме голубом,
земная шваль: бандиты и поэты.

1997

РАСКЛАД

Витюра раскурил окурок хмуро.
Завёрнута в бумагу арматура.
Сегодня ночью (выплюнул окурок)
мы месим чурок.

Алёна смотрит на меня влюблённо.
Как в кинофильме, мы стоим у клёна.
Головушка к головшке склонёна:
Борис — Алёна.

Но мне пора, зовёт меня Витюра.
Завёрнута в бумагу арматура.
Мы исчезаем, лёгкие как тени,
в цветах сирени.

.....

Будь, прошлое, отныне поправимо!
Да станет Виктор русским генералом,
да не тусуется у магазина
запойным малым.

А ты, Алёна, жди милого друга,
он не закончит университета,
ему ты будешь верная супруга.
Поклон за это

тебе земной. Гуляя по Парижу,
я, как глаза закрою, сразу вижу
все наши приусадебные прозы
сквозь смех сквозь слёзы.

А прошлое, оно непоправимо.
Вы все остались, я проехал мимо —
с сигаркой, в бричке, еле уловимо
плыл запах дыма.

На окошке на фоне заката
дрянь какая-то жёлтым цвела.
В общежитии жиркомбината
некто Н., кроме прочих, жила.

В полулёгком подпитье являясь,
я ей всякие розы дарил.
Раздеваясь, но не разуваясь,
несмешно о смешном говорил.

Трепетала надменная бровка,
матерок с алой губки слетал.
Говорить мне об этом неловко,
но я точно стихи ей читал.

Я читал ей о жизни поэта,
чётко к смерти поэта клоня.
И за это, за это, за это
эта Н. целовала меня.

Целовала меня и любила,
разливала по кружкам вино.
О печальном смешно говорила.
Михалкова ценила кино.

Выходил я один на дорогу,
чуть шатаюсь, мотор тормозил.
Мимо кладбища, цирка, острога
вёз меня молчаливый дебил.

И грустил я, спросив сигарету,
что, какая б любовь ни была,
я однажды сюда не приеду.
А она меня очень ждала.

Я на крыше паровоза ехал в город Уфалей
и обеими руками обнимал моих друзей —
Водяного с Черепахой, щуря детские глаза.
Над ушами и носами пролетали небеса.
Можно лечь на синий воздух и почти что полететь,
на бескрайние просторы влажным взором посмотреть:
лес налево, дуг направо, лесовозы, трактора.
Вот бродяги-работяги поправляются с утра.
Вот с корзинами маячат бабки, дети — грибники.
Моют хмурые ребята мотоциклы у реки.
Можно лечь на тёплый ветер и подумать-полежать:
может, правда нам отсюда никуда не уезжать?
А иначе даром, что ли, желторотый дуралей —
я на крыше паровоза ехал в город Уфалей!
И на каждом на вагоне, волей вольною пьяна,
«Приму» ехала курила вся свердловская шпана.

Я работал на драге в посёлке Кытлым,
о чём позже скажу в изумительной прозе, —
корешился с ушедшим в народ мафиози,
любовался с буфетчицей небом ночным.
Там тельняшку такую себе я купил,
оборзел, прокурил самокрутками пальцы.
А ещё я ходил по субботам на танцы
и со всеми на равных стройбатовцев бил.
Боже мой, не бросай мою душу во зле, —
я как Слуцкий на фронт, я как Штейнберг на нары,
я обратно хочу — обгоняя отары,
ехать в синее небо на чёрном «козле».
Да, наверное, всё это — дым без огня
и актёрство: слоняться, дышать перегаром.
Но кого ты обманешь! А значит, недаром
в приисковом посёлке любили меня.

Молодость мне много обещала,
было мне когда-то двадцать лет,
это было самое начало,
я был глуп, и это не секрет.

Это, — мне хотелось быть поэтом,
но уже не очень, потому
что не заработаешь на этом
и цветов не купишь никому.

Вот и стал я горным инженером,
получил с отличием диплом,
не ходить мне по осенним скверам,
виршей не записывать в альбом.

В голубом от дыма ресторане
слушать голубого скрипача,
денежки отсчитывать в кармане,
развернув огромные плеча.

Так не вышло из меня поэта
и уже не выйдет никогда.
Господа, что скажете на это?
Молча пьют и плачут господа.

Пьют и плачут, девок обнимают,
снова пьют и всё-таки молчат,
головой тонически качают,
матом силлабически кричат.

Когда менты мне репу расшибут,
лишив меня и разума и чести
за хмель, за матерок, за то, что тут
**ЗДЕСЬ САТЬ НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ
СТОЯТЬ НА МЕСТЕ.**

Тогда, наверно, вырвется вовне,
потянется по сумрачным кварталам
былое или снівшееся мне —
затейливым и тихим карнавалом.
Наташа. Саша. Лёша. Алексей.
Пьеро, сложивший лодочкой ладони.
Шарманщик в окруженье голубей.
Русалки. Гномы. Ангелы и кони.
Училки. Подхалимы. Подлецы.
Два прапорщика из военкомата.
Киношные смешные мертвецы,
исчадьё пластилинового ада.
Денис Давыдов. Батюшков смешной.
Некрасов желчный.
Вяземский усталый.
Весталка, что склонялась надо мной,
и фея, что мой дом оберегала.
И проч., и проч., и проч., и проч., и проч.
Я сам не знаю то, что знает память.
Идите к чёрту, удаляйтесь в ночь.
От силы две строфы могу добавить.
Три женщины. Три школьницы. Одна
с косичками, другая в платье строгом,
закрашена у третьей седина.
За всех троих отвечу перед Богом.
Мы умерли. Озвучит сей предмет
музыкою, что мной была любима,
за три рубля запроданный кларнет
безвестного Синявина Вадима.

Мой герой ускользает во тьму.
Вслед за ним устремляются трое.
Я придумал его, потому
что поэту не в кайф без героя.

Я его сочинил от уста-
лости, что ли, ещё от желанья
быть услышанным, что ли, чита-
телю в кайф, грехам в оправданье.

Он бездельничал, «Русскую» пил,
он шмонался по паркам туманным.
Я за чтением зренье садил
да коверкал язык иностранным.

Мне бы как-нибудь дошкандыбать
до посмертной серебряной ренты,
а ему, дармоеду, плевать
на аплодисменты.

Это, — бей его, ребя! Душа
без посредников сможет отныне
кое с кем объясниться в пустыне
лишь посредством карандаша.

Воротник поднимаю пальто,
закурив предварительно: время
твоё вышло. Мочи его, ребя,
он — никто.

Синий луч с зеленцой по краям
преломляют кирпичные стены.
Слышу рёв милицейской сирены,
нарезая по пустырям.

1997

Не забухал, а первый раз напился
и загулял —
под «Скорпионз» к её щеке склонился,
поцеловал.

Чего я ждал? Пощёчины с размаху
да по виску,
и на её плечо, как бы на плаху,
поклал башку.

Но понял вдруг, трезвея, цепenea:
жизнь вообще
и в частности, она меня умнее.
А что ещё?

А то ещё, что, вопреки злословью,
она проста.
И если, пьян, с последнею любовью
к щеке уста

прижал и всё, и взял рукою руку,
она поймёт.
И, предвкушая вечную разлуку,
не оттолкнёт.

Не забывай, не забывай
игру в очко на задней парте,
последний ряд в кинотеатре,
ночной светящийся трамвай,

волнение девичьей груди,
но только близко, близко, близко
(не называй меня Бориской!)
не подходи, не подходи.

Всплывёт ненужная деталь:
— Прочти-ка Одена, Бориска... —
Обыкновенная садистка!
И сразу прошлого не жаль.

Вы, Нина, думаете, вы
нужны мне, что вы, я, увы,
люблю прелестницу Ирину,
а вы, увы, не таковы.

Ты полагаешь, Гриня, ты
мой друг единственный, — мечты!
Леонтьев, Дозморов и Лузин,
вот, Гриня, все мои кенты.

Леонтьев — гений и поэт,
и Дозморов, базару нет,
поэт, а Лузин — абсолютный
на РТИ авторитет.

Флаги красн., скамейки — синие.
Среди говора свердловского
пили пиво в парке имени
Маяковского.

Где качели с каруселями,
мотодромы с автодромами —
мы на корточки присели, мы
любовались панорамой.

Хорошо живёт провинция,
четырьмя горит закатами.
Прут в обнимку с выпускницами
ардаки с маратами.

Времена большие, прочные.
Только чей-то локоточек
пошатнул часы песочные.
Эх, посыпался песочек!

Мотодромы с автодромами
закрутились-завертелись.
На десятом обороте
к чёрту втулки разлетелись.

Ты меня люби, красавица,
скоро время вовсе кончится,
и уже сегодня, кажется,
жить не хочется.

Больничная тара, черника
и спирт голубеют в воде.
Старик, что судил Амальрика
в тагильском районном суде,

шарманку беззубую снова
заводит, позорище, блин:
вы знаете, парни, такого?
Не знаем и знать не хотим.

Погиб за границей Амальрик,
загнулся в неведомых США.
Тут плотник, таксист и пожарник,
да ваша живая душа.

Жизнь сволочь в лиловом мундире,
гуляет светло и легко,
но есть одиночество в мире
и гибель в дырявом трико.

Проветривается палата,
листва залетает в окно.
С утра до отбоя ребята
играют в лото-домино.

От этих фамилий, поверьте,
ни холодно, ни горячо.
Судья, вы забыли о смерти,
что смотрит вам через плечо.

1998

В обширном здании вокзала
с полуночи и до утра
гармошка тихая играла:
«та-ра-ра-ра-ра-ра-ра».

За бесконечную разлуку,
за невозможное прости,
за искалеченную руку,
за чёрт-те что в конце пути —

нечётные играли пальцы,
седую голову трясло.
Круглоголовые китайцы
тащили мимо барахло.

Тургруппы чинно проходили,
несли узбеки арбузы...
Не поймешь, выходило,
здесь ни монеты, ни слезы.

Зачем же, дурень и бездельник,
играешь неизвестно что?
Живи без курева и денег
в одетом наголо пальто.

Надрывы музыки и слёзы
не выноси на первый план —
на юг уходят паровозы.
«Уходит поезд в Магадан!»

Включили новое кино,
и началась иная пьянка,
но всё равно, но всё равно
то там, то здесь звучит «таганка».

Что Ариосто или Дант!
Я человек того покроя —
я твой навеки арестант
и всё такое, всё такое.

1996

◇ ◇ ◇

Мой щегол, я голову закину...

О. М.

В деревню Сартасы, как лето прошло,
меня занесло.

Давно рассвело, и скользнуло незло
по Обве весло.

Я вышел тогда покурить на крыльцо —
тоска налицо.

Из губ моих, вот, голубое кольцо
летит к облакам.

Я выдержу, фигуршки вам, дуракам!

Хлебнуть бы воды,
запить эту горечь беды-лебеды.

Да вёдра пусты.

1998

Л. Тиновской

Мальчик-еврей принимает из книжек на веру
гостеприимство и русской души широту,
видит берёзы с осинами, ходит по скверу
и христианства на сердце лелеет мечту,
следуя заданной логике, к буйству и пьянству
твёрдой рукою себя приучает, и тут —
видит берёзу с осиной в осеннем убранстве,
делает песню, и русские люди поют.
Что же касается мальчика, он исчезает.
А относительно пения, песня легко
то форму города некоего принимает,
то повисает над городом, как облако.

II

МОРЕ

В кварталах дальних и печальных, что утром серы и пусты, где выглядят смешно и жалко сирень и прочие цветы, есть дом шестнадцатиэтажный, у дома тополь или клён стоит ненужный и усталый, в пустое небо устремлён; стоит под тополем скамейка, и, лбом уткнувшийся в ладонь, на ней уснул и видит море писатель Дима Рябоконт.

Он развязал и выпил водки, он на хер из дому ушёл, он захотел уехать к морю, но до вокзала не дошёл. Он захотел уехать к морю, оно — страдания предел. Проматерился, проревелся и на скамейке захрапел.

Но море сине-голубое, оно само к нему пришло и, утреннее и родное, заулыбалось светло. И Дима тоже улыбнулся. И, хоть недвижимый лежал, худой, и лысый, и беззубый, он прямо к морю побежал.

Бежит и видит человека на золотом на берегу.

А это я никак до моря доехать тоже не могу — уснул, качаясь на качели, вокруг какие-то кусты. В кварталах дальних и печальных, что утром серы и пусты.

ОСЕНЬ

Уж убран с поля начисто турнепс
и вывезены свёкла и капуста.
На фоне развернувшихся небес
шёл первый снег, и сердцу было грустно.

Я шёл за снегом, размышляя о
бог знает чём, берёзы шли за мною.
С голубизной мешалось серебро,
мешалось серебро с голубизною.

Мы целовались тут пять лет назад,
и пялился какой-то азиат
на нас с тобой — целующихся — тупо
и похотливо, что поделать — хам!
Прожекторы ночного дискотеклуба
гуляли по зелёным облакам.

Тогда мне было восемнадцать лет,
я пьяный был, я нёс изящный бред,
на фоне безупречного заката
шатался — полыхали облака —
и материл придурка азиата,
сжав кулаки в карманах пиджака.

Где ты, где азиат, где тот пиджак?
Но верю, на горе засвищет рак,
и заново былое повторится.
Я, детка, обниму тебя, и вот,
прожекторы осветят наши лица.
И снова: что ты смотришь, идиот?

А ты опять же преградишь мне путь,
ты закричишь, ты кинешься на грудь,
ты привезёшь меня в свою общагу.
Смахнёшь рукою крошки со стола.
Я выпью и на пять минут прилягу,
потом проснусь: ан жизнь моя прошла.

В сырой наркологической тюрьме, куда меня за глюки упекли, мимо ребят, столпившихся во тьме, дерюгу на каталке провезли два ангела — Серёга и Андрей, — не оглянувшись, типа все в делах, в задроченных, но белых оперениях со штемпелями на крылах.

Из-под дерюги — пара белых ног, и синим-синим надпись на одной была: как мало пройдено дорог... И только шрам кислотный на другой ноге — все в непонятках, как всегда: что на второй написано ноге? В окне горела синяя звезда, в печальном зарешёченном окне.

Стоял вопрос, как говорят, ребром и заострялся парутройку раз. Единственный — один на весь дурдом я знал на память продолженья фраз, но я молчал, скрывался и таил, и осторожно на сердце берёг — что человек на небо уносил и вообще — что значит человек.

Нужно двинуть поездом на север,
на ракете в космос сквозануть,
чтобы человек тебе поверил,
обогрел и денег дал чуть-чуть.

А когда родился обормотом
и умеешь складывать слова,
нужно серебристым самолётом
долететь до города Москва.

Мне не хватает нежности в стихах,
а я хочу, чтоб получалась нежность —
как неизбежность или как небрежность,
и я тебя целую впопыхах,

о муза бестолковая моя!
Ты, отворачиваясь, прячешь слёзы,
а я реву от этой жалкой прозы
лица не пряча, сердца не тая.

Пацанка, я к щеке твоей прилип —
как старики, как ангелы, как дети,
мы станем жить одни на целом свете.
Ты всхлипываешь, я рифмую «всхлип».

Похоронных оркестров не стало,
стало роскошью, с музыкой чтоб.
Ах, играла, играла, играла,
и лгала, и фальшивила — стоп.

Обязателен дядька из ЖЭКа —
шляпа мятая, руки дрожат.
Ту-ту-ту: понесли человека.
В синих лужах гвоздики лежат!

Поздно, поздно! Вот — по небу прожектора
загуляли, гуляет народ.
Это в клубе ночном, это фишка, игра,
будто год 43-й идёт.

Будто я от тебя под бомбёжкой пойду —
снег с землёю взлетят позади,
и, убитый, я в серую грязь упаду.
Ты меня разбуди, разбуди.

А иногда отец мне говорил,
что видит про утиную охоту
сны с продолженьем: лодка и двустволка.
И озеро, где каждый островок
ему знаком. Он говорил: не видел
я озера такого наяву
прозрачного, какая там охота! —
представь себе... А впрочем, что ты знаешь
про наши про охотничьи дела!

Скучая, я вставал из-за стола
и шёл читать какого-нибудь Кафку,
жалеть себя и сочинять стихи
под Бродского, о том, что человек,
конечно, одиночество в квадрате,
нет, в кубе. Или нехотя звонил
замужней дуре, любящей стихи
под Бродского, а заодно меня —
какой-то экзотической любовью.
Прощай, любовь! Прошло десятилетье.
Ты подурнела, я похорошел,
и снов моих ты больше не хозяйка.

Я за отца досматриваю сны:
прозрачным этим озером блуждаю
на лодочке дюралевой с двустволкой,
любовно огибаю камыши,
чучёла расставляю, маскируюсь
и жду, и не промахиваюсь, точно
стреляю, что сомнительно для сна.
Что, повторюсь, сомнительно для сна,
но это только сон и не иначе,
я понимаю это до конца.
И всякий раз, не повстречав отца,
я просыпаюсь, оттого что плачу.

МАЛЬЧИКИ

По локти руки за чертой разлуки,
и расцветают яблони весной.
«Весны»* монофонические звуки,
тревожный всхлип мелодии блатной.

Составив парты, мы играем в карты.
Серёга Л. мочится из окна.
И так всё хорошо, как будто завтра,
как в старом фильме, началась война.

---

* «Весна-203» — популярный в былые годы переносной кассетный магнитофон. С ним ходили по улицам и сидели на скамейках.

Вот здесь я жил давным-давно — смотрел кино, пинал говно и пьяный выходил в окно. В окошко пьяный выходил, буровил, матом говорил и нравился себе, и жил. Жил-был и нравился себе с окурком «БАМа» на губе.

И очень мне не по себе, с тех пор как превратился в дым, а также скрипом стал дверным, чекушкой, спрятанной за томом Пастернака, нет, — не то.

Сиротством, жалостью, тоской, не мýзыкой, но музыкóй, звездой полночного окна, отпавшей литерою «а», запавшей клавишею «б»:

Оркестр играет н тру е — хоронят Петю, он де ил. Витюр хмуро р скурил окурок, ст рый ловел с, стоит и пл чет дядя Ст с. И те, кого я сочинил, плюс эти, кто вз пр вду жил, и этот двор, и этот дом летят н фоне голу ом, летят неведомо куд — кр сивые к к никогда.

Много было всего, музыки было много,
а в кинокассах билеты были почти всегда.
В красном трамвае хулиган с недотрогой
ехали в никуда.

Музыки стало мало
и пассажиров, ибо трамвай — в депо.
Вот мы и вышли в осень из кинозала
и зашагали по

длинной аллее жизни. Оно про лето
было кино, про счастье, не про беду.
В последнем ряду — пиво и сигареты.
Я никогда не сяду в первом ряду.

ПОЧТИ ЭЛЕГИЯ

Под бережным прикрытием листвы
я следствию не находил причины,
прицеливаясь из рогатки в
разболтанную задницу мужчины.

Я свет и траекторию учёл.
Я план отхода рассчитал толково.
Я вовсе на мужчину не был зол,
он мне не сделал ничего плохого.

А просто был прекрасный летний день,
был школьный двор в плакатах агитпропа,
кусты сирени, лиственная тень,
футболка «КРОСС» и кепка набекрень.
Как и сейчас, мне думать было лень:
была рогатка, подвернулась ...

Россия — старое кино.
О чём ни вспомнишь, всё равно
на заднем плане ветераны
сидят, играют в домино.

Когда я выпью и умру —
сирень качнётся на ветру,
и навсегда исчезнет мальчик
бегущий в шортах по двору.

А седобровый ветеран
засунет сладости в карман:
куда — подумает — девался?
А я ушёл на первый план.

...и при слове «грядущее» из русского языка
выбегают...

И. Бродский

Трижды убил в стихах реального человека,
и надо думать, однажды он эти стихи прочтёт.
Последнее, что увижу, будет улыбка зека,
типа: в искусстве — эдак, в жизни — наоборот.

В тёмном подъезде из допотопной дуры
в брюхо шмальнёт и спрячет за отворот пальто.
Надо было выдумывать, а не писать с натуры.
Кто вальнул Бориса? Кто его знает, кто!

Из другого подъезда выйдет, пройдя подвалом,
затянется «Беломором», поправляя муде.
...В районной библиотеке засопят над журналами
люди из МВД.

У памяти на самой кромке и на единственной ноге стоит
в ворованной дублёнке Василий Кончев — Гончев, «Ге»!
Он потерял протез по пьянке, а с ним ботинок дорогой.
Пьёт пиво из литровой банки, как будто в пиве есть покой.
А я протягиваю руку: уже хорош, давай сюда!
Я верю, мы живём по кругу, не умираем никогда.
И остаётся, остаётся мне ждать, дыханье затая: вот он
допьёт и улыбнётся.
И повторится жизнь моя.

Я улыбнусь, махну рукой
подобно Юрию Гагарину,
со лба похмельную испарину
сотру и двину по кривой.

Винты свистят, мотор ревёт,
я выхожу на взлёт задворками,
убойными тремя семёрками
заряжен чудо-пулемёт.

Я в штопор, словно идиот,
зайду, но выхожу из штопора,
крыло пробитое заштопано,
пускаюсь заново в полёт.

Пускаясь заново в полёт,
петлю закладываю мёртвую,
за первой сразу пью четвёртую,
поскольку знаю наперёд:

в невероятный чёрный день,
с хвоста подбит огромным ангелом,
я полыхну зелёным факелом
и рухну в синюю сирень.

В завешанный штанами двор
я выползу из кукурузника...
Из шлемофона хлещет музыка,
и слёзы застилают взор.

Я вышел из кино, а снег уже лежит,
и бородач стоит с фанерною лопатой,
и розовый трамвай по воздуху бежит —
четырнадцатый, нет, девятый, двадцать пятый.

Однако целый мир переменялся вдруг,
а я всё тот же я, куда же мне податься,
я перенаберу все номера подруг,
а там давно живут другие, матерятся.

Всему виною снег, засыпавший цветы.
До дома добреду, побряцаю ключами,
по комнатам пройду — прохладны и пусты.
Зайду на кухню, оп, два ангела за чаем.

СОДЕРЖАНИЕ

I

«Над саквояжем в чёрной арке...»	7
Из фотоальбома	8
«Ещё не погаснет жемчужин...»	9
«Что махновцы, вошли красиво...»	10
«В безответственные семнадцать...»	11
«Две сотни счётчик наматает...»	12
«Приобретут всеевропейский лоск...»	14
Расклад	15
«На окошке на фоне заката...»	16
«Я на крыше паровоза ехал в город Уфалей...»	17
«Я работал на драге в посёлке Кътлым...»	18
«Молодость мне много обещала...»	19
«Когда менты мне репу расшибут...»	20
«Мой герой ускользает во тьму...»	21
«Не забухал, а первый раз напился...»	22
«Не забывай, не забывай...»	23
«Вы, Нина, думаете, вы...»	24
«Флаги красн., скамейки — синие...»	25
«Больничная тара, черника...»	26
«В обширном здании вокзала...»	27
«Включили новое кино...»	28
«В деревню Сартасы, как лето прошло...»	29
«Мальчик-еврей принимает из книжек на веру...»	30

II

Море	33
Осень	34
«Мы целовались тут пять лет назад...»	35
«В сырой наркологической тюрьме, куда меня за глюки...»	36
«Нужно двинуть поездом на север...»	37
«Мне не хватает нежности в стихах...»	38
«Похоронных оркестров не стало...»	39
«Поздно, поздно! Вот — по небу прожектора...»	40
«А иногда отец мне говорил...»	41

Мальчики	42
«Вот здесь я жил давным-давно — смотрел кино...»	43
«Много было всего, музыки было много...»	44
Почти элегия	45
«Россия — старое кино...»	46
«Трижды убил в стихах реального человека...»	47
«У памяти на самой кромке и на единственной ноге...»	48
«Я улыбнусь, махну рукой...»	49
«Я вышел из кино, а снег уже лежит...»	50

**«ПУШКИНСКИМ ФОНДОМ»
В СЕРИИ «ИМЯ СОБСТВЕННОЕ» ВЫПУЩЕНЫ:**

- **К. Победин.** Поэмы эпохи отмены рабства
- **А. Генис.** Темнота и тишина
- **О. Шамборант.** Признаки жизни
- **А. Генис.** Пейзажи
- **С. Лурье.** Успехи ясновидения
- **О. Шамборант.** Срок годности
- **О. Исаева.** Мой папа Штирлиц
- **В. Соснора.** 15
- **С. Гандлевский.** Странные сближения
- **С. Лурье.** Нечто и взгляд
- **С. Лурье.** Изломанный аршин

В СЕРИИ КНИГ «ЗЕРКАЛО»:

- **В. Яновский.** Поля Елисейские
- **Б. Ахмадулина.** Однажды в декабре
- **С. Гандлевский.** Трепанация черепа
- **В. Соснора.** Дом дней
- **Е. Шварц.** Определение в дурную погоду
- **А. Битов.** Дерево
- **С. Гандлевский.** Поэтическая кухня
- **В. Соснора.** Книга пустот
- **В. Соснора.** Камни NEGEREP
- **И. Бродский.** Горбунов и Горчаков
- **Л. Петрушевская.** Карамзин деревенский дневник

ВНЕСЕРИЙНЫЕ КНИГИ:

- **В. Кальпиди.** Ресницы
- **Б. Ахмадулина.** Зимняя замкнутость
- **Л. Лосев.** Стихотворения из четырех книг
- **А. Ерёмченко.** Горизонтальная страна
- **Гильгамеш.** Аккадское сказание
- **А. Цветков.** Дивно молвить
- **Е. Шварц.** Сочинения в 4 томах
- **С. Гандлевский.** Найти охотника
- **Б. Рыжий.** Стихи
- **В. Соснора.** Всадники
- **В. Павлова.** По обе стороны поцелуя
- **М. Дидусенко.** Полоса отчуждения
- **Н. Уперс.** Апокрифы Феогнида
- **А. Березин.** Пики-козыри
- **Т. Кибиров.** Внеклассное чтение
- **А. Березин.** Самоорганизация материи
- **Е. Мороз.** Евреи и Рим
- **А. Мелихов.** Колючий треугольник

В ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕРИИ «АВТОГРАФ» ИЗДАНЫ:

- Б. Ахмадулина. Ларец и ключ
- С. Кекова. Короткие письма
- В. Салимон. Невеселое солнце
- И. Лиснянская. После всего
- Ю. Кублановский. Памяти Петрограда
- И. Бродский. В окрестностях Атлантиды
- Н. Кононов. Лепет
- А. Пурин. Евразия и другие стихотворения
- Е. Шварц. Песня птицы на дне морском
- С. Гандлевский. Праздник
- В. Гандельман. Там на Неве дом...
- В. Дроздов. Стихотворения
- Л. Лосев. Новые сведения о Карле и Кларе
- А. Цветков. Стихотворения
- Д. Новиков. Караоке
- И. Жданов. Фоторобот запретного мира
- Т. Кибиров. Парафразис
- Е. Шварц. Западно-восточный ветер
- Б. Ахмадулина. Созерцание стеклянного шарика
- В. Салимон. Красная Москва
- В. Зельченко. Войско
- Б. Кенжеев. Сочинитель звёзд
- А. Битов. В четверг после дождя
- Л. Лосев. Послесловие
- И. Лиснянская. Ветер покоя
- В. Гандельман. Долгота дня
- Е. Шварц. Соло на раскалённой трубе
- Т. Кибиров. Интимная лирика
- В. Павлова. Второй язык
- В. Кривулин. Купание в иордани
- М. Ерёмин. Стихотворения
- Б. Ахмадулина. Возле ёлки
- Д. Новиков. Самопал
- Т. Кибиров. Нотации
- В. Соснора. Куда пошёл? И где окно?
- С. Гандлевский. Конспект
- Б. Рыжий. И всё такое...
- П. Барскова. Эвридей и Орфика
- И. Лиснянская. Музыка и берег
- Л. Лосев. Sisyphus redux
- В. Дроздов. Обратная перспектива
- Т. Кибиров. Amour, exil...
- В. Соснора. Флейта и прозаизмы

- **В. Гандельсман.** Тихое пальто
- **В. Павлова.** Линия отрыва
- **В. Коваль.** Участок с Полифемом
- **Е. Шварц.** Дикопись последнего времени
- **Б. Ахмадулина.** Пуговица в китайской чашке
- **А. Поляков.** Орфографический минимум
- **Б. Рыжий.** На холодном ветру
- **В. Соснора.** Двери закрываются
- **С. Кекова.** На семи холмах
- **П. Барскова.** Арии
- **М. Степанова.** Тут — свет
- **М. Ерёмин.** Стихотворения. Кн. 2
- **С. Стратановский.** Рядом с Чечнёй
- **А. Кушнер.** Кустарник
- **Е. Тиновская.** Красавица и птица
- **Т. Кибиров.** Шалтай-болтай
- **В. Гандельсман.** Новые рифмы
- **О. Чухонцев.** Фифиа
- **Л. Лосев.** Как я сказал
- **Е. Шварц.** Трость скорописца
- **Д. Шереметьев.** Улика
- **В. Гандельсман.** Школьный вальс
- **С. Стратановский.** На реке непрозрачной
- **М. Ерёмин.** Стихотворения. Кн. 3
- **А. Цветков.** Шекспир отдыхает
- **В. Волченко.** Без охраны
- **Д. Воденников.** Черновик
- **Е. Шварц.** Вино седьмого года
- **Л. Элтанг.** о чём пировать
- **С. Гандлевский.** Некоторые стихотворения
- **В. Гандельсман.** Исчезновение
- **М. Ерёмин.** Стихотворения. Кн. 4
- **О. Седакова.** Всё, и сразу
- **Л. Лосев.** Говорящий попугай
- **П. Барскова.** Прямое управление
- **С. Стратановский.** Смоковница
- **В. Гандельсман.** Ладейный эндшпиль
- **В. Салимон.** За лицевую стороной пейзажа
- **С. Стратановский.** Граффити
- **Е. Шварц.** Перелётная птица
- **М. Степанова.** Киреевский
- **В. Гандельсман.** Читающий расписание
- **В. Гандельсман.** Видение
- **С. Стратановский.** Иов и араб
- **М. Ерёмин.** Стихотворения. Кн. 5

Р 93

Рыжий Б. ...и всё такое... Стихотворения — 2-е издание —
СПб.: «Пушкинский фонд», 2013. — 56 с.

ISBN 978-5-89803-234-0

ББК 84. Р7

Рыжий Борис Борисович

...и всё такое...

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2013

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

«Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

Тираж 1000 экз. Заказ № 85

Отпечатано в типографии ООО «ИПК БИОНТ»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр., дом 86

Тел.: (812)322-6843

ПУШКИНСКИЙ ФОНД